

БОГОСЛОВИЕ

М а к о в е ц

"Нестъ убо добре еже всем человеком хотети угодно быти. Еже хочеш убо избери: или о истине пещися и умерети ее ради, да жив будеш во веки, или яже суть на сласть человеком творити и любим быти ими, Богом же невидимым быти".

Св.Нил Сорский

51. Троицын День.

Конечно же "морфологический принцип" не есть выдумка К. Леонтьева, Данилевского, Шенглера и других. Принцип произрастания тех или иных плодов на тех или иных деревьях был категорически высказан Господом Иисусом Христом: "Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смок-^{добрые}ви? Так всякое дерево приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые" /Мф.6,15-18/. То же самое у Луки: "...всякое дерево познается по плоду своему, потому что не собирают смолы с терновника, и не снимают винограда с кустарника" /Лк.6, 44/. Продолжая "морфологический принцип" Господь на Тайной Вечере именуется себя "истинной виноградной лозой", а Отца — "Виноградарем", учеников Нового Завета "ветвями", которые должны "приносить плоды", привившись к Лозе, иначе они будут "обрублены" и "брошены в огонь", чтобы некоторое время еще пламенеть, потом тлеть, потом остить и превратиться в прах... Все старые культуры и культы после нисхождения на первоучеников Духа Святого или "привьются" или, желая оставаться попрежнему в самодостаточности, отсохнут, ибо в этот день ~~СВЕРШИЛОСЬ~~ то новое, чего еще никогда не было, а именно: исполнился установленный Иисусом Христом как "новым Моисеем" ~~н о в ы й з а в е т~~ в с е ч е л о в е к а, где нет уже культового иудея, эллина, скифа, вога, буддиста, даоса и пр.: с БОГОМ-СВЯТОЙ ТРОИЦЕЙ ОТЦОМ и ~~СЫНОМ~~ и СВЯТЫМ ДУХОМ. Бог Дух Святой нисшел в сердце рожденных свыше чад Божиих и сияет НЕСОТВОРЕННЫМ СВЕТОМ. Рожденные свыше, постигшие Тайну Отца и Сына в Небесном Храме могут "вспомнить" об этом в ветхом теле только "в" Духе Святом, и потому благовестие о Боге Святой Троице как бы "прирождено" по крови рожденному свыше. Деяния Апостолов описывают резкий перелом в поведении первоучеников Христа, а теперь уже "рожденных свыше" де-

детей Божиих: если ранее мы видели "иудеев", боящихся, трепетных, плохо соображающих или остро реагирующих, то теперь мы видим новые фигуры свидетелей, "наднационально-культурных" наставников, провозвестников Нового. Пребывая уже в Новом, они могли "оттуда" проглядеть многие культы как более или менее ясные и ероглифы - истинные, будь то "ветхий завет" иудеев, мистерии эллинов, Бога азиатов и т.д. Люди подобного типа культуры могли создавать послания к евреям /Павел/ или "ареонагитики", - это было время поразительного восхождения новорожденными детьми Премудрости их Отца и Бога во Святой Троице Сущаго. Пламенела "анафора", хотелось угадывать, узнавать, припоминать, словом, если бы можно было написать все то, что сделал Иисус, действительно, и самому миру не вместить бы написанных книг. Рожденные свыше остро постигали, что их "вспоминание" есть благоприятная духовная жертва, себя же эти дети Божии "по крови" знали и самоознавали царями и священниками. Их праздником, их ядром был Троицын День.

§2. Жизнь есть служение.

Троицын День был днем празднования установления Царствия Божия, пришедшего во вселенную через новорожденных свидетелей. Поскольку на земле есть святой свидетель, воспоминающий на земле в Духе Святом Троицу, постольку единая память всечеловека возносится в Нетварный Свет, удерживается в благодати и т.д. Мышление, как припоминание, делается обоживанием, а вся тварная вселенная подданством Царя и Бога Иисуса Христа, Которому дана всякая власть на Небе и на Земле. В Завете с Троицей уже нет никакого иного подданства, кроме как Царю Иисусу, если... если некто конкретно сам пожелает отречься от Князя мира сего, от Сатаны.

Мышление определяется как жертвоприношение и преобразование вплоть до обожения Нетварными Энергиями, а потому все мы предлагается совершить "перемену ума" /"метанойя".

покаяние/, то есть взглянуть на свою жизнь как на соответственное служение, как на священное деяние, где каждый свободен стать под знамена Христа, как ЗАКОННОГО ЦАРЯ, и тем самым выбрать свое бытие в Боге как бытие рожденного свыше, или остаться с бунтовщиком Сатаной, поднявшим бунт против законной власти Царя И Бога Иисуса Христа, чтобы "преобразиться" его энергиями тьмы во вторую смерть.

Иконическое чинопоследование таинства крещения, в том виде, в котором оно хранится в уставных записях, содержит чин "отречения от Сатаны". Отречение от Сатаны есть пресе-чение "пленения" ума от облучений "помыслов", — кажется только монахи-исихасты знают всю реальность, которая сокрыта за этими иконическими прорисовками: "Отрекаешься ли от Сатаны?" — отрекаешься! Титанический труд "умного делания" с тонко разработанной методикой показывает чего стоит эта "мысленная брань". Князь мира сего, бунтовщик и хулиган, осужден, но он хочет через облучение помыслами утащить вместе с собой в осуждение как можно больше конкретных человек, а цари и священники Святой Троицы, имея по сонаследству Христу вселенную как "свою" хотят, чтобы "все спаслись". Ибо Сам Отец не пожелал Сына Единородного, чтобы спасти всех. Жизнь со Дня Святой Троицы откровенно и несмываемо отерлась как служение, как "вещь" чрезвычайно серьезная, ибо немислимо высока и серьезна была цена: ВОЛЫНАЯ СМЕРТЬ БОГА ИИСУСА ХРИСТА с одной стороны и УБИЕНИЕ ЦАРЯ И БОГА взбунтовавшейся чернью вселенной с другой стороны. Ни иудейский закон, ни римское право не защитили Иисуса и иных от "ужаса" предания на Распятие Царя и Бога. Человек, поистине, "не имеет права" дать себе возможность забыть этот факт: ни иудейский закон, ни римское право не дали нам возможности разглядеть вот в этом оборванце, тихо и скорбно стоящем перед нами, ЦАРЯ И БОГА. Ритуалом внешних предписаний иудеев и юридизм внешних предписаний римлян не дали возможности духовно почувствовать

присутствие и пришествие Царя и Бога. Сердце молчало. Действал закон: умертвить богохульника, умертвить врага кесаря. Духовное чувство молчало. Ум молчал, — они были давно уже не тренированы на восприятие кротких и тончайших веяний, ибо жизнь была "просто жизнью", а "служба — службой". Человек, созданный и призванный к существованию как "образ" Божий потерял непосредственное чувство Бога, Его присутствия. Бог стоит перед человеком "лицом к лицу", а человек даже не чувствует этого. И вот самой насущной стала перед первосвященниками задача перемены ума, очищения ума, чтобы пробудилось вновь духовное чувство Бога. Царь оставил СВОИ ЗАПОВЕДИ, как нормативы поведения всем тем, кто свободно признает Его Царство. Жизнь по заповедям есть служение Царю, — ну, кто же — сейчас — воспринимает исполнение заповедей как служение, как "литургию", а? И "епископы", и "миряне" твердо знают, что "служат" священники, а мы... мы "просто живем", ибо хотя и приняли "чинопоследование крещения", "миропомазания", "причастия", то есть "рождение свыше", но ничего с нами жизненно не произошло, как были "мирянами", подданными, скажем, СССР, так и остались ими же... Брец, знавший "формулы" совершает таинства над "водой", "маслом", "хлебом", "вином" и т.д., но не над "мной"... Да и как может "принести меня в жертву" кто-то другой, кроме "меня самого"?!

§3. Собрание плодов. Свв. Григорий Синаит, Сергий Радонежский, Илья Сорокий.

"Истинное святилище, еще прежде будущего жития, есть без помыслов сердце, воздействуемое Духом — эта запись принадлежит святому Григорию Синаиту, византийскому современнику Сергия Радонежского. С именами "двух Григориев" /Синаит и Палама/ связано то животворное движение, кото-

рое историки называют "православным возрождением" в противовес "ренессансу", охватившему западную Европу, то есть страны Римской юрисдикции, а затем и реформации. Сразу же необходимо сказать, что это животворное провозвестие умирающей Византии не произошло целостной культурой еще нигде /патриарх Филофей, один из замечательных деятелей того времени, фигурирует в легенде о "белом клобуке", как завещатель византийской светозарной вспышки русской культуры/, хотя Соборы утвердили "догматически" учение о необходимости, а не только возможности, личного обожения и познания Бога Живого во Святой Троице Сущего и Осияющего Нетварным Светом в "личной встрече", — то есть ТО, ЧТО отстоял святой Симеон Новый Богослов на рубеже схизмы Рима и Византии, теперь умирающей Византией в лице уже "не греков", а вселенски мыслящих "православных", было утверждено догматически. К этому времени "псевдоморфозы" христианского провозвестия о Новом Завете всечеловека с Богом Святой Троицей в лице рожденных свыше царевичей и священников достигли, пожалуй, предельного усыхания, — что и сделало возможным языческий ренессанс, — то, что было скрыто в недрах культуры просто стало явным, ибо не может быть ничего скрытого, что когда-то не станет явным. Вит, искусство, философия, богословие, аскеза, — все эти "ветви" были не привиты к Единой Лозе, а потому отсекались и начинали гореть в "пламенеющей готике". Догматические определения не вытекали и не выводили ту или иную литургию в ее целостности чинопоследования таинств; литургия не предполагала той или иной формы аскезы; философия и искусства не укоренялись в благовестии и т.д. И вот вспыхнул Свет, СВЕТ ЦАРСТВИЯ Св. Троицы, чтобы передать эстафету животворящего пламени молитвы, а не "олимпийских игр". Трудно установить, хотя было бы очень интересно сделать это, этнический ранг вождей благовестия о Свете Благодати. Известно, что Григорий пришел из СИНЯЯ, — "синяит", что у Филофея — мать еврейка, что Сергей был рус-

ским боярским сыном... Это было наднациональное "равноапостольское" движение /ибо в пределах самой Византии была "национальная" партия, борющаяся с исихастами/, где "истина" стала дороже "родины", где свидетели истины в Византии и с к а л и к о м у н е р е д а т ь н е "греческое" православие, а равноапостольское свидетельство. Историк /И.Мейендорф, Г.Прохоров/ задумываются над тем, почему Византия сосредоточила усилия своей "восточной политики" на зарождающейся конфедерации княжеств о-к-рест Москвы, а не, скажем, на Литовском княжестве, свободном от татар и имеющем под своим контролем и древний Киев и территории современной Украины и Белоруссии. Это интересный вопрос, действительно интересный вопрос. Я думаю, что они искали "чистое поле", работников "одинадцатого часа", как бы не имеющих губительного наследия языческой культуры, не "имеющих классики", чтобы новая нация зарождалась как чистое древо наднационального всечеловеческого служения под властью святых. Закат Европы, видимо, уже гремел византийским книжником, и на поле культуры выступали работники "одинадцатого часа". В этой мысли меня укрепляет и "археология" исторических исканий, — действительно, после странного возвышения Москвы /кажется, длящегося и поныне/ русские как-то "сразу" являются на мировую арену стараясь "одеться" в чужое платье, ибо "своего", кроме Православия, не имеют; у РУССКИХ НЕТ "античности", нет "арийства", чтобы восстал будда, нет "иудаизма"; и "археология" поэтов, своими транспозициями припоминающими "душу народа" /В.Аванов, Ин.Анненский/ — Достоевский говорит о русском гении как о гении "всечеловеческой отзывчивости". Не имея достаточных исторических свидетельств о русском "язычестве", можно измысливать его в произведениях национальных гениев: "все за всех виноваты", это, собственно, гениальность буддийской мудрости: сознание недвойственно у всечеловека, и священная фигура "молчалиника" есть высшая ценность: "в тибетском изображении Будд в глубокой

медитации и в акте превозглашения Дхармы, а у р а, окру-
жающая тело Будды, состоит из бесчисленных Дхьяни-Будд.
Это означает, что активная сила высочайшего просветления
/и в меньшей степени, каждый процесс глубокого погружения
или творческого внутреннего видения/ не только с у б ъ -
е к т и в н ы й п р о ц е с с, но и могучее духовное из-
лучение или проекция, при которой реализация Дхарма-Кайи в
индивидуальном человеческом сознании разрывает пределы ин-
дивидуальности, и, пронизывая вселенную во всех направлени-
ях, - вызывает во всех отзывчивых центрах сознания п о д о-
б н ы е в и б р а ц и и и т в о р ч е с к и е с и л ы".
/Лама Говинда, "Основы тибетского мистицизма"/. "Молчаль-
ники" - исхасты п о н я т н ы народу, но не понятны "про-
фессорам", привыкшим читать лекции; и враждебны всегда
"ерецам", которые владеют формулами... Молчащая Русь и ве-
ликий Сергей, строящий Храм во Имя СВЯТОЙ ТРОИЦЫ, - это
очень высокий уровень мистического богословия. Но "редакти-
руемые" жития обычно говорят нам о чудотворцах, воскреша-
ющих мертвых и кормящих диких зверей, а то и "благословля-
ющих" государственную власть, и не говорят о детях Божиих,
наследниках Небесного Престола по крови, имеющих в л а с т ь
на земле, власть, постоянно узурпируемую у них людьми,
соблазненным Бунтовщиком, Врагом. История св. Сергея и
вел. кн. Дмитрия с его "Митяем" лежит символом всего даль-
нейшего пути с о б л а з н я ю щ е г о с я м о с к о в -
с к о г о ц а р с т в а до наших дней. Святой Нил Сор-
ский уже сочтет необходимым з а п и с а т ь, гениально
записать, аскетическую технику для всех келейников будуще-
го. Совершилось нечто подобное деяниям апостолов: Свет Пла-
менил ярко и явно, так что не надо было "книг", - весь мир
раскрывался книгой и храмом, ибо сердце зналось как свети-
лице, где б л а г о д а р е н и е было жертвой воспоми-
нания, где все писалось на "скрижалях сердца" /ап. Павел/,
а потому и книжные записи постигались как иконические. Не
"обрело" свой голос "молчалиничество" Севера /Г. Федотов/,
а в н и у з д е н о было высказаться для будущих "одинок-
ких". "Слово - серебро, а молчание - золото". Молчание в н -

д е л я б ы х с л о в, выше любых знаков, ибо знаки лишь должны, умирая в нищете, возводить к молчанию, а не задерживать внимание в восторгах о себе. "Устав" святого Нила Сорского как завещание "одиноким" очень скоро пригодится, ибо очередной "Митяй" уже предложит своему князю чин "венчания" на царство, и царь сделается на долгие годы "помазанником Божиим": как смех ада этот "помазанник Божий" будет явлен человечеству Иваном Грозным, 200 лет отделяют Сергея от Грозного... далее: смута, раскол, империя, Бунты, атеизм царей, — святой Серафим Саровский, русские гении, революция, оккупация интернациональным коммунизмом России, как "вновь" поднявший глаз свой в лице святого и гениев о высшей ценности с в я т о г о, как царевича и священника по крови причастия Аристовой Крови... Действительно: или автор "Устава" — сумасшедший, или — автор "Демостроя". Совместить эти два "культурных" идеала невозможно.

44. Царевич Серафим.

Если к великому Сергею стекались последователи, принимавшие постриг, что дало среди лучших из них цветение северной Фиваиды, если, далее, рано постригшийся в монастыре св. Кирилла Белозерского Нил Сорский ушел на Афон в поисках материалов для исихастского молитвенного синтеза, и вернувшись, все же обрел учеников и "собеседников", и был признаваем на поместные соборы, то царевич Серафим был в этом "традиционном контексте" о д н о к. У него "нет" учеников среди наиктного монашества, нет тех, кто бы шел за ним в "пустынь"; с ним не беседуют "архимереи", к нему не идут за советом государственные мужи, — когда он отерял затвор по повелению св. Марии, Царицы-Матери, к нему пошли за советом те, кто именуется "мирянами". Свою "беседу" как некое завещание, ибо через год после нее святой царевич Серафим прекратил свое служение "во плоти", он также поверил не монаху, не епископу, не священнику, не "дворянину Н.А. Мотовилову". Известно, что Царица Небесная, Царица-Мать, дважды являлась св. Серафиму для исцеления его от земных болезней

в сопровождении свв. апостолов Петра и Иоанна, и дважды же говорила им: этот "нашего рода". Известно, что она же являлась в сопровождении царственной свиты, и это явление видели старица. Я хочу подчеркнуть именно этот момент "именования" святого принадлежащим к "царскому роду", ибо традиционные жития, как и "троиари" святому, этого "момента" не подчеркивают. Это особенно важно еще и потому, что один из тех, кто, по определению царевича Серафима, не знал о "целях христианской жизни" /ибо "никто" не знал из великих духовных особ, то есть архиереев, поставляемых по традиции из монахов/написал: "Бог по образу Своего небесного единоначалия устроил на земле царя; по образу Своего вседержительства-царя самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжавшегося от века и до века-царя наследственного" /митрополит Московский Филарет!/. Филарет был не самым глупым из иерархов. Да, после открытия за-творца, мы видим в России царевича Серафима, к которому т я н у т с я измученные "подданные Небесного Царя", чтобы обрести утешение от мук и надеждальств земных владык, как прислужников Врега и Бунтовщика. И каждого приходящего царевич покрывает любовью и именует "ВАШЕ БОГОЛЮБИЕ"! Это в стране, где есть "табель о рангах", где все распределены по классам со своим калованьем, чинами и т.д. Явление Серафима- есть явление и провозвестие реальности Царства Святой Троицы, царства, которое исповедуется в чинопоследовании крещения и молитве "Отче наш", центральной в благовестии... Ибо он со всей простотой вновь сказал, что "цель" христианской жизни есть "р о ж д е н и е с в ы ш е". Он сказал это и только это, и этого "только" сверхизбыточно! Я писал уже, что его "беседа" должна быть донесена православием всему миру как "равноапостольный катехизис", тем более, что он сам сказал, что откровение дается всему миру. Русские эмигранты-ученые не сосредоточили свое внимание на провозвестии святого царевича /ну, вот хотя бы так, как "пушкинисты" сосредотачивают внимание на наследии поэта!/. Архиереи, как кажется, подтверждают суждение о них святого, ибо "никто" из них не высказался по поводу "беседы",

если, конечно же, не считать "высказыванием" то, что синод не хотел канонизировать Серафима, и канонизация состоялась по настоянию Николая П... быть может, более других, понимавшего реальность необходимости пресечения династии после слов Небесной Царицы о царевиче "нашего рода"...

§5. Нетварный Свет-Храм. Итоги: реальность, икона, иероглиф.

В целом "беседа" святого царевича Серафима напоминает "беседу" апостола Петра с Корнилием-сотником, когда Петр сказал ему слова жизни и Дух Святой нисшел на Корнилия и дом его; "стилистически" беседа легко "иницируется" /В.Резанов/ в словесность книги "Деяния апостолов". Собору /проблематичному/ надо будет "просто" шаг за шагом осмыслить все те догматические и литургические выводы, которые следуют из провозвестия царства Святой Троицы, явленного Серафимом. Я напомню лишь следующее: "...что же касается до того, что я монах, а Вы мирской человек, об этом думать нечего: у Бога возмужает правая вера в Него и Сына Его Единородного, за что и подается обильно свыше благодать Духа Святого. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему; вот и р е с т о л, на котором Он любит восседать и являться в полноте Своей небесной Славы. Сыне, даждь Ми сердце Твое, говорит Он, а все прочее я Сам приложу тебе; ибо в сердце человеческом Царствие Божие вмещаться может, почему и Господь ученикам Своим заповедует: "ищите прежде Царствия Божия и правды Его и сие все приложится вам, весть бо Отец наш небесный, яко всех сих требует". Все храмово-иконические молитвы исполнены мольбы о ниспослании Духа Святого, — они есть не цель в себе, но средство в ряду "других" средств, ибо "целью" является с о б и р а н и е п л о д о в, то есть осознанное шаг за шагом до предельной полноты и ясности "пробывание" причастником Света. Святой царевич просит Бога, и Бог являет Духа Святого в обильной полноте "вне" каменного храма, вне "иконической службы", но в р е а л ь-

и о м х р а м е, ибо "престол" есть сердце святого, или сердце "любящего" Бога. Явление Духа Святого в "реальности" храма-престола не отвергает возможности "иконического" обретения благодати, но поставяет иконическое чиноследование на правильное место: средство в числе иных средств, не самодостаточное, не самодевящее, но прозрачное к единственной цели: собирания, стяжания н а о д о в. Одни средства для тех или иных времен могли быть наиболее плодотворными, другие средства для других времен могут стать более плодотворными, важны лишь одно: исповедание реальности пребывания на земле в ватхом теле святого царевича, который вводит в единую память всечеловека Свет НЕТВАРНИИ, ибо в о з н о с и т н а м я т ь с в о и м в о с п о м и н а н и е м в Несотворенный Свет. Свет сияет всегда: в прошлом, настоящем, будущем. Он сияет "вне" замысла о Творении и не по поводу замысла о творении. Парадоксальным образом тварь должна вместить, что этот Свет Сиял бы, если бы и "не было твари", — парадоксом здесь является подобное суждение как и самая возможность подобного суждения, но есть факт, ибо есть превозвестие н о в о й т в а р и, то есть тех "рожденных свыше", которые со-умерли Христу, были вознесены к Престолу Святой Троицы в Храм Света, и посланы на служение "вспоминания", и воспоминанием в о з н о с е н и я единой человеческой памяти в Свет. В каждое мгновение измерения времени и пространства "свет просвещает всякого человека, грядущего в мир". Он есть. Он сияет. И каждый конкретно должен "стяжать" этот Свет многоразличными делами "ради Христа" деланными и контролирующими делателем о степени этого потрясающего "барыша", о котором говорит Серафим. Свет Сияет и в Него м о ж н о п о г р у з и т ь с я /или креститься/, чтобы затем войти в Храм, пройти к Царю Иисусу Христу, чтобы тот произнес "суд" и "мил", чтобы далее пройти к Нему на возвышение, чтобы далее пройти с Ним к Престолу, обрести причастие Невидимому, — словом, проделать все то, что "иконически" сохранено в своем первоначальном я д р е в чиноследовании литургии.

Когда "икона" бывает записана поздними записями, то мастер неторопливо и терпеливо расчищает икону, вплоть до перво-записи... Первозаписью литургии является воспоминание святых свидетелей. Оно всегда есть. Созерцание Света утверждено Соборами 14-го века. Оно явлено великим Сергием, Нилом Сорским, и вот, Серафимом Саровским. Разве мыслим был бы "раскол", если бы знали т а к, как св. Серафим? Но ведь должно же быть ясно и то, что его "убили" бы как престестника и богохульника за его беседу в те годы?!

Римская доктрина не сможет принять в наличном состоянии учения о Нетварном Свете. Не сможет принять и потому, что в сроки свидетельства царевича Серафима Рим утверждал непогрешимость суждений римского епископа в вопросах догматики. Этих вопросов нельзя затушевывать поверхностным экуменизмом. Единение христиан возможно "принципиально" лишь на принятии Соборами всех последствий о реальности пребывания на земле святого. Но протестантизм в наличном состоянии отрицает таковую возможность, сводя все к "книге" ^{x1}, католицизм отрицает возможность бытия равноапостольского свидетеля, сводя все к "папе", как "преемнику" первоапостола; православие "пока" мечется между этими двумя последовательно интеллектуальными доктринами, но **н е м о ж е т** **п р и н я т ь** догматические определения хотя бы потому, что не имеет "уже" других. Можно сомневаться в том, будет ли это сделано и, если да, то когда. Но работать надо в этом направлении, чтобы не сказать: "только" в этом. При **п о к а я н н о м** принятии пребывания длящейся "золотой цепи" /Св. Симеон Новый Богослов/ святых от первоапостолов доныне, покаянном в том смысле, что "все" исповедания гнали святых, как реальных детей Божиих, может родиться и возможность серьезной постановки вопроса об экуменизме, ибо наличная практика может быть истолкована как в той или иной степени "поврежденная икона". Более того: догматичес-

x1) Протестантская "научная" историография не может описать историческую ситуацию России, ибо в ее номенклатуре нет категории "святой свидетель".

кое и покаянное признание христианами своего гонения на детей Царевых по крови, может открыть двери и к входу в Храм Святой Троицы и у д е е в и... о, Боже Святой... всех-рассеянных чад Божиих, овец разных дворов. Если это будет: то б у д е т с а м о с т о я т е л ь н а я русская культура как всечеловеческая культура, как "агнократия" взамен "сатанократии"... Если же этого не будет, то не будет и самостоятельной русской культуры, но будет "псевдоморфоза", задушенная собственные побег... Русские гении с большей или меньшей ясностью просвечивания и е р о г л и ф о в явили художественные ценности как иероглифы храма и жертвы, — гениальное произведение, нищее в своих составляющих, несет великую идею х р а м а и ж е р т в и, то есть несет в себе зашифрованное и м я Иисуса Христа, и и з ы с к а е т р е з о н а н е н а п о м и н а н и я образов Истины, хранимых в недрах сознания, — наслаждение произведением искусства есть прикосновение к Истине. Реальность Царства, икона царства, иероглиф Царства Бога во Святой Троице Отца и Сына и Святого Духа поклоняемого и славимого во Свете Своих Нетварных энергий, — вот то п л е т е н и е, вот та т к а н ь, которую хотелось бы нам выткать на плащаницу Господню: "признание святости за внешнюю ценность — основа народного мирозерцания и знамя тооски народной по Руси Святой. Православие и есть соборование со святыми и соборность вокруг святых. Достоевский неоднократно указывает на подмеченное им в народе верование, что земля только тем и стоит, что не переводится на ней святость, что всегда есть где-то, в пустыне, в непроходимых дебрях, несколько святых людей. Православный мир располагается кругами окрест этого таинственно рассеянного братства и, как не черен по своей окружности, но все же духовно жив живоносными притоками как бы самой крови Христовой из этого своего средоточия, из этого сердца, пламенеющего и воздыхающего к Духу "воздыханиями неизреченными". Кто же отрывается от внутреннего общения со святыми, отрывается и от православия, и наоборот: отметающий православие уходит и от его святых", — Вяч. Иванов, "Лик и личины России", 1916 год.

§6. Каноники Мертвого Дома.

К а н о н и к и М е р т в о г о Д о м а, — так могло бы называть себя над-национальное движение по русской инициативе, охватывающее по-преимуществу "нъяниц и грешников" из философствующей, пишущей, рисующей, танцующей и пр. братии нашей. "Каноники" есть производное от слова "внутренний канон" /Вяч.Иванов/, то есть канониками будут считать себя те, кто примет для внутренней ориентации установку сознания на различение "уровней реальности", свойственное всем философским школам индоевропейского ареала. "Мертвый Дом" отсылает ближайшим образом к книге и опыту русского гения Ф.Достоевского, а на большей глубине высвечивается с и м в о л о м р е а л ь н о с т и, которую и следует в первую очередь различать "каноникам". Пределно, конечно же, хотелось бы добиться общими над-национальными усилиями четкого и ясного различения уровней реального символизма со-отнесенных символов, скрыто присутствующих в русской рецепции православия, а именно: уровень реальности как памяти святого свидетеля-царевича, в недрах которого живет Дух Святой Животворящий; уровень /2-ой/ сакраментальной иконы чинопоследования таинств Святой Церкви, как обведенной памяти святого, обретающей благодать образа "здесь и теперь" через отсутствие "хулы на Духа Святого" со-слушающими, то есть через присутствие почитания святых и знания "своего места"; и /3-ий/ уровень пероглифа как культурного делания, приносящего своим плоды благодати опять-таки при отсутствии "хулы на Духа Святого", или присутствии в культурном делании почитания святых и знания "своего места". Я предлагаю некоторые положения и некоторую схему "мифа каноников Мертвого Дома".

ПОСТ КАК МАСКА ВСЕЛЕНСКОГО АДАМА.

Когда "русские" /Пушкин, Достоевский, Анненский, Вяч. Иванов, Анна Ахматова/ выступили в поэзии и в осмыслении "поэтического творчества", то есть в попытке самосознания

поэта, то они сразу и категорически заявили об этой деятельности не как о "субъективно-лично-лирической", но как о "рунопоре", "резонаторе" неких "вселенских голосов". Поэт утверждал о "не-я", как "творце". Всплывали сразу же индоевропейские истоки, или, как минимум "не-я" буддизма... Не лирик, трансформирующий мир "субъективным" взглядом, но "рунопор" "таинственных и пленных голосов", символизирующих наличность. Русские говорят о поэте как мифической маске вселенской всеотзывчивости. В этом "теоретически" смысл речи Федора Достоевского по случаю открытия памятника "русскому поэту" Пушкину. В этом "теоретически" смысл статей Ии. Анненского о Достоевском, в этом "теоретически" смысл статей Вяч. Иванова о "калейном" творчестве. Лиризм русских поэтов-гениев не суть их "субъективизм", но голос хора /а не голос из хора/. Запечатлевшая от горя ртом Анны Ахматовой говорит "стоимильонный народ", ее "Геквием" не суть "лирика", но мифическое поминовение замученных пленников. Я говорю о русских поэтах как масках вселенского мифа потому, что "трагическая" маска пришла позже "мифа-мистерии" эллинов.

МАСКА СУЩЕГО ВО ГРОБЕ ВСЕЛЕНСКОГО АДАМА

Хор неузнанных и пленных голосов, точно также как вселенская отзывчивость к твари вообще, открывается в поэте-маске как сущем во гробе, как "труп" в пустыне /"Пророк"/. Русский поэт через утверждение творчества как "не-я-маски-мифа", свидетельствует о смерти, как уровне реальности. Ветхий Адам суть "сущий во гробе", суть надгробная маска, которая может творчеством преобразиться и оживотвориться в реальность иконы святого, или же преобразиться и о-мертвиться в небытие "личины" смерти 2-ой. Русский гений говорит как транслятор вселенной о необходимости избавления от иллюзии "уже жизни" как жизни "некоего я", которое потом почему-то умирает, и утверждением реальности пребывания "сущим во гробах", откуда есть два в

х о д а в каторжно-кандалной прикованности к свободе выбора: или через оживотворение Духом Святым в святость и реальность "вечной жизни", или через е-мртвенные смертью второй к вечному небытию "мутантов" /Янкилевский/, вечно распадающихся мутаций потери "образа Божия". Маска, как таковая, "нейтральна", чистая каторжная свобода творчества, которая может со-твориться в со-служении с Духом Святым, живущим во святых в святость же и жизнь вечную, или со-твориться в со-служении с Князем Тьмы, действующем в сынах противления, в смерть вторую и вечную. Гений русского поэта-маски дал в Легенде о Великом Инквизиторе псевдо-анафору Уминому Духу, Духу уничтожения и небытия. Монолог Великого Инквизитора есть псевдо-анафора, есть литургия Князю Тьмы.

ЗДАНИЕ КАК МАСКА ВСЕЛЕННОЙ.

Храм есть икона Церкви в мире. Здание же есть иероглиф или маска культуры. В здании культура видит себя как со-здание. Культурные эпохи принято различать по различным архитектурным стилям, — поэтому-то архитектор С.М.Бархин думает /инициатива, к которой приглашаются все/ о создании здания Мертвого Дома, как Дома Достоевского, где, если будет создана, будет исполняться мистерия-миф "каноников Мертвого Дома". Он исходит в своих замыслах из принципов простоты и пронизанности ф о р м ы в н у т р е н н е й и д е е й. Символы "гроба", "каторги", "кельи", "облачения", "слезы реальности как символов" находят свое выражение в замыслах, являемых в форме макета. Здание будет иметь входы с улицы, как уровни "хаоса"; чтобы встретить уровень "музей" Достоевского, который будет поначалу восприниматься "как мы"; далее будут "кельи-гробы", куда входят единично, чтобы затем "заглянуть" в простран "общего гроба" и загробного мира; поднимется погребальная пелена с прорисовками "доличного" и т.д.

ИКОНА КАК ВЫСШЕЕ ЯВЛЕНИЕ ИСКУССТВА.

"Иконопись есть чисто выраженный тип искусства, где все одно к одному, и вещество, и поверхность, и рисунок, и предмет, и назначение целого, и условия его созерцания: эта связность всех сторон соответствует органичности целостной церковной культуры", — эти удивительные слова принадлежат Павлу Александровичу Флоренскому. "Каноники Мертвого Дома" хотели бы, конечно же, явить такую живую пронизанность организма искусства как и иконопись. Фазы создания иконы /доска, ковчег, левкас белый, печатление перевода, прорись, золочение, раскрышка, доличного, инкарнация личного и именованное/ будут иметь свои отзвуки в иероглифе, ибо самая иконопись есть обведение памяти святого о себе: положение во гроб ковчега, самими умирающим выделенного, погребение смертными погребением белой земли — как отречение от помыслов Сатаны, грязнящих землю, запечатление — знаменование прежде бывшей памятью святых, чтобы затем по ознаменовке уже — прорись именованная от Бога, которая золотится благодатью Духа Святого, дающего помнить о задаче воскресения мертвых, что является созданием доличного и лика, — иероглиф маски как за гробной реальностью будет, собственно, тяготеть к этим же фазам: разоблачения от наличных одежд "пустыни", где влачится "пророк", чтобы облечься шаг за шагом в одежды каноника Мертвого Дома" и "маску", чтобы затем "одеться" в персонажей мифа /скажем, Великого Инквизитора и др./ Эти фазы в медитации будут проходить и зрители, которые, "выходя", вновь увидят куклы "музея" Достоевского, но поймут, что они, куклы, с ними вели, соотносясь с которыми свершается "мир я".

ПРОРИСЬ МИФА.

—Здание каноников Мертвого Дома

—посвящение в поэты: разоблачение смерть — облачение "маска-одежда /по ярусам "пророка" Пушкина и "творчества" Ахматовой/

- появление хора-масок
 - одевание в одежды персонажей
 - собственно "миф" /легенда о Бел. Лнк./
 - финал
 - возможное желание "зрителей" принять чинопоследование крещения
 - баптистерий
 - храм
- утверждение реальности храма как- сердца святого- и пости-
жение иерархии уровней: культовое иконостасное служение
дает "отяжание" Духа Святого Божьего, если нет хулы на
Него; не культурное делание так же дает "отяжание" Духа
Святого Божьего, если нет хулы на Него.
Хула на Духа Святого есть хула на святых /св.Василий Вели-
кий, св. Симеон Богослов/.

РАБОТЫ ХВАТИТ ДЛЯ ВСЕХ.

Художникам, композиторам, балетмейстерам и исполните-
лям, знатокам Яог и ученым,- всем хватит радостной работы,
несоревнующейся, ибо нет "я", ибо не с кем и некому сорев-
новаться для обретения реальности маск и все же н-
е с о г о с у щ е г о в о г р е б е а д а м а, чтобы
кандално прикованным к свободе выбрать свободно и благо-
дарно бытие перед Лицом Бога Живого Святой Троицы: вспоми-
ная Бога как некоего абсолютного "ПРЕ" станете вы "ПРЕ-ПО-
ДОВНЫМИ", печатлевыми маску "образом Бога", и тем угодоб-
ляя ее Богу Живому. Второго же "печатления" не хочу я же-
лать даже злому врагу, а тем более потенциальному "канони-
ку Мертвого Дома". Пусть Бог лишит меня радости видеть Его
Лнк, если я "преследую" здесь какие-либо "личные цели".
Пусть будет так, Боже мой, пусть омыются русские радостни-
ми слезами о гении их от всех плевков и всей крови, кото-
рой они помазаны пока еще! Пусть, Боже Святый, будет это,
пусть будет.